

0 $\frac{25}{58}$

Fragment of a label with illegible markings.

20.
58.

Les Réformes et la Révolution

par

N. Joukowsky.

РЕФОРМЫ И РЕВОЛЮЦІЯ.

(Изъ «Общины» № 5).

(ИЗДАНИЕ „ГРОМАДЫ.“)

Историческое развитіе гражданственности народовъ, которыхъ исторія встрѣчаетъ на восточно-европейской равнинѣ въ половинѣ IX вѣка, шло различными путями. Не успѣла прочно сложиться форма бытового склада ихъ жизни, какъ пришлось имъ отстаивать вооруженной силой каждый клочекъ занятой, но не устроенной еще земли. Въ безкняжескія общества, связанныя въ политически-солидарное цѣлое, они не развились, и пришлось имъ вести врознь борьбу, какъ съ устроившимся уже сосѣдомъ, такъ и съ кочевникомъ.

Инымъ не удалось отстоять свою бытовую форму жизни, пришлось, если не вполнѣ слиться съ чуждымъ элементомъ, то подчиниться ему, уступить юридическимъ порядкамъ, выросшимъ на почвѣ иного, чуждаго быта. Другіе сами слились, какъ говорятъ официальные наши историки, въ единое цѣлое и сложились въ особое славянское общество, юридическія формы котораго вышли какъ-бы непосредственно изъ бытового строя народовъ, „естественнымъ образомъ“ слившихся въ одно „чисто-славянское“ государство.

Такъ говорятъ о Россійской имперіи всѣ государственные историки отъ Ломоносова до Бестужева-Рюмина; такъ привыкло думать и большинство всероссійской публики, съ грѣхомъ пополамъ читающей тощіе учебники и объемистые томы всѣхъ молодыхъ и старыхъ Соловьевыхъ. Всѣ наши казенные историки съ изумительнымъ единорѣчіемъ поютъ гимнъ самодержавной силѣ, которая стерла съ лица земли всѣ бытовыя особенности національностей, вошедшихъ въ составъ Имперіи и создавшихъ великое, обширное, могучее, единое чисто-славянское государство, которое вырветъ изъ

чуждых рукъ всё родственныя „русскому народу“ племена и приметь ихъ въ свое лоно.

У историковъ официальной Россіи все это выходитъ просто, гладко, документально. Карамзинъ сказалъ, что исторія наша начинается съ Петра, что вѣкъ Екатерины оставляетъ въ тѣни даже и Александра I съ пресловутымъ двѣнадцатымъ годомъ, что Москва подготовила путь къ великому русскому единству, что до Москвы была въ земляхъ нашихъ только тьма кромѣшная, бытовая разладица да брань междоусобная. Этимъ катехизисомъ стяжалъ онъ славу и почести въ царствованіе Александра I и сталъ генераломъ отъ русской исторіи. Погодины, Устряловы, Соловьевы могли работать только по установленной Карамзинымъ программѣ и продолжать доказывать естественность, необходимость, святость и спасительность всероссійскаго императорства для всѣхъ славянскихъ народовъ.

Долго вѣрили имъ читающіе русскіе люди. Исключенія бывали, конечно, во всё время, но можно съ увѣренностью сказать, что сколько нибудь замѣтное меньшинство, знающее, до какой степени извращены всё факты жизни народной въ казенныхъ книгахъ казенныхъ историковъ, образовалось весьма недавно.

Благодаря трудамъ людей, которымъ историческая правда дороже чина *статскаго совѣтника*, русское общество узнало, что Стеньку Разина, котораго проклинали звонкіе голоса соборныхъ протодіаконовъ, можно назвать какъ слѣдуетъ Степаномъ Тимофеевичемъ; узнало оно, что Степанъ Разинъ не простой какой нибудь воръ-разбойникъ, а выразитель воли народной, мститель за великое горе народное, представитель-защитникъ того именно бытоваго строя народной жизни, который попрянь татарско-византійской Москвой и осмѣянь генералами отъ Всероссійской Исторіи. Узнало русское общество, что до „на крови стоящей“ Москвы были на Руси народоправства сѣверныя, была Сѣча запорожская; была безкняжеская гражданственность, поступившая своимъ правомъ, лишившаяся возможности естественнаго развитія только послѣ продолжительной, кровавой борьбы.

Было за что и ратовать, было что отстаивать!

Въ то время какъ Москва отличалась повальнымъ грубымъ невежествомъ, опричиной, кнутомъ да попомъ, въ Новгородъ Великомъ уже сложилась сѣверо-славян-